

Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика

Д.Г. Давыдов

Современная гуманитарная академия, Москва, Россия

К.Д. Хломов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Поступила 23 декабря 2018/ Принята к публикации: 17 января 2018

Massacres in educational institutions: mechanisms, causes, prevention

Denis G. Davydov*

Modern University for the Humanities

Kirill D. Khlomov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

* Corresponding author E-mail: ddavydov@mh.ru,

Received 2018 December 23 / Accepted for publication: January 17, 2018

Актуальность (контекст) тематики статьи. Массовые убийства в школах и колледжах первоначально осуществлялись в США, однако в последние десятилетия данный феномен распространяется и на другие страны, в том числе Россию. Трагедии, затрагивающие детей и подростков, привлекают особый интерес политиков, общественности и специалистов.

Целью проведенного исследования стало обобщение накопленного в зарубежной литературе опыта осмысления феномена массовых школьных убийств, выделение структуры, этапов развития и факторов, влияющих на его возникновение. Была сделана попытка интеграции разных научных подходов к диагностике угрозы и профилактике массовых школьных убийств.

Описание хода исследования. Методология исследования включала в себя поиск и обобщение выводов из научных и прикладных публикаций по проблеме. Поиск осуществлялся с использованием библиографических систем и научных сетей Web of Knowledge, Scopus, ResearchGate, Google Scholar, Academia.edu, Mendeley. Были отобраны 55 научных публикаций, посвященных рассмотрению конкретных случаев, содержащих мета-анализ данных, направленных на рассмотрение социально-психологических факторов школьных расстрелов и их предупреждения.

Результаты исследования. Описаны основные методологические подходы к анализу школьных расстрелов, представлены теории, предлагающие системное понимание этого феномена, определены этапы социальных и личностных предикторов школьных расстрелов. Сформирован обобщенный портрет преступника, который, хоть и не позволяет осуществлять точную диагностику угрозы, тем не менее, содержит важные для профилактики и диагностики признаки.

Выводы. Анализ литературы по проблеме позволяет интерпретировать массовые убийства в школах как самостоятельный феномен, реконструировать логику событий, определить основные механизмы этого явления и этапы его развития, предложить эффективные способы обнаружения и предупреждения угрозы.

Ключевые слова: школьный расстрел, насилие в школе; массовое убийство, безопасность, образование.

Introduction. The massacres in schools and colleges committed by their students are initially associated with the United States, but in recent decades the phenomenon has spread to other countries including Russia. Such tragedies affecting children and adolescents are of particular interest to politicians, general public and professionals.

The Objective of this research is to summarize the foreign literature accounts of the phenomenon of mass school murders, the structure of this phenomenon, the stages of its development and factors that cause it.

Procedure. Research methodology included search and generalization of conclusions from scientific and applied publications on the issue. The search was carried out using bibliographic systems and scientific networks Web of Knowledge, Scopus, ResearchGate, Google Scholar, Academia.edu, Mendeley. He author selected 55 scientific publications on specific cases and meta-analysis of data aimed at addressing socio-psychological factors of school shootings and prevention.

Findings. The main methodological approaches to the analysis of school shootings are described, the theories offering a systematic understanding of this phenomenon are presented, the stages of both social and personal predictors of school shootings are defined.

Conclusion. The analysis of the literature allows interpreting massacres in schools as an independent phenomenon, to reconstruct the events, to determine the main mechanisms and development stages, to offer effective ways to detect and prevent threats.

Keywords: school shootings, school violence, violence against peers, massacre, rampage shootings.

Актуальность тематики

Случаи насилия в школьной среде, сопряженного с гибелью учеников или учителей, неизменно вызывают широкий общественный резонанс. Особое внимание привлекают массовые убийства с применением огнестрельного оружия, когда нападение совершают бывшие или ны-

нешние ученики, а жертвами становятся учащиеся или персонал учебных заведений. Вид учебных заведений варьируется от начальной школы до университетов (Robinson et al., 2016). Подобные инциденты широко известны по зарубежным новостям. Только за период 1999–2018 гг. в разных странах произошло по различным оценкам от 28 до 264 подобных ин-

цидентов (Harper, Ryberg & Temkin, 2018). Большинство из них совершено в США, реже они происходили в странах Европы (Malkki, 2014). Вместе с тем, начавшая с февраля 2014 года в России также произошла, в зависимости от подхода к оценке события, от 15 до 19 инцидентов с насилием в образовательном учреждении, имеющих сходные признаки (см.

Табл. 1. Нападения учеников на одноклассников и сотрудников образовательных организаций России с применением огнестрельного оружия в 2014–2018 гг.

Дата происшествия	Место происшествия	Оружие, количество нападавших, пострадавших	Итог для нападавшего
03.02.2014	Школа 263, г. Москва	Малокалиберная винтовка 1 нападавший, 2 погибших взрослых (педагог, охранник), 1 раненый взрослый (полицейский)	Задержан, направлен на принудительное лечение по решению суда
10.05.2018	Филиал Новосибирского колледжа транспортных технологий им. Н.А. Лунина, г. Барабинск	Гладкоствольное охотничье ружье, 3 пострадавших студентов колледжа	Совершил самоубийство
17.10.2018	Политехнический колледж, г. Керчь	Огнестрельное оружие, взрывные устройства, 1 нападавший, погибло 5 работников колледжа и 16 студентов, включая нападавшего, ранено 67 человек	Совершил самоубийство

Table 1. Attacks of school students on classmates and employees of educational organizations of Russia using firearms throughout 2014–2018.

Event Date	Accident Site	Firearms, number of attackers and injured people	Outcome for attacker
03.02.2014	School 263, Moscow, Russia	Small-bore rifle, 1 attacker, 2 dead adults (teacher and school guard), 1 injured adult (police officer)	Detained, sent for compulsory treatment by court order
10.05.2018	Lunin Branch of the Novosibirsk College of Transport Technologies, Barabinsk, Russia	Smoothbore hunting rifle, 3 injured college students	Suicide
17.10.2018	Polytechnic College, Kerch, Russia	Firearms, explosive devices, 1 attacker, 5 college workers and 16 college students including the attacker killed, 67 people injured	Suicide

Денис Геннадьевич Давыдов – кандидат психологических наук, директор Института когнитивной нейрологии Современной гуманитарной академии
E-mail: ddavydov@muh.ru
<https://famous-scientists.ru/12067>

Кирилл Данилович Хломов – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории когнитивных исследований, руководитель психологической службы факультета психологии Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: kirikhlomov@gmail.com
<https://www.ranepa.ru/prepodavately/sotrudnik/?id=b5e862f2-5733-4ed4-a1dd-88b16c8a22d0>

табл. 1 и 2). Данные по нападениям собраны на основе ряда источников: государственное информационное агентство России ТАСС (Случаи нападений ..., URL: <https://tass.ru/info/4885783>), новостные издания «Аргументы и Факты» (Происшествия, URL: <http://www.aif.ru/incidents>), «Известия» (Случаи нападений ..., URL: <https://tass.ru/info/4885783>), NewsNN (Топ-8 нападений ..., URL: <https://newsnn.ru/cards/19-01-2018/top-8-napadeniy-uchenikov-na-shkoly-v-rossii-365dbc3f-2780-4ac0-8964-20058647236e>) и др.

Кроме того, зафиксированы случайные применения пневматического оружия 19.10.2017 в школе № 12 г. Сыктывкар, 22.12.2017 в школе № 36 г. Комсомольск-на-Амуре и 18.01.2018 года в гимназии № 1 г. Симферополь.

Опираясь, в первую очередь, на зарубежные исследования, которые не проти-

Табл. 2. Нападения учеников на одноклассников и сотрудников образовательных организаций России с применением холодного оружия и других средств в 2014–2018 гг.

Дата происшествия	Место происшествия	Оружие, количество нападавших, пострадавших	Итог для нападавшего
14.04.2014	Школа № 39, г. Санкт-Петербург	1 нападавший, 1 пострадавший взрослый (педагог)	Задержан, направлен на лечение
15.12.2014	Школа № 4, г. Брянск	Пневматическое оружие, 1 раненый ученик	Задержан
17.03.2016	Колледж индустрии гостеприимства и менеджмента № 23, г. Москва	Нож, 1 нападавший, 1 пострадавший	Задержан
18.03.2016	Школа № 3, г. Находка	Нож, 1 нападавший, 1 погибший ученик	Совершил самоубийство
1.11.2017	Политехнический колледж № 42, г. Москва	Нож, 1 нападавший, 1 погибший взрослый (педагог)	Совершил самоубийство
05.09.2017	Школа № 1, г. Ивантеевка	Пневматическое оружие, топор, 1 нападавший, пострадало 3 ученика и 1 взрослый (педагог)	Задержан
8.12.2017	Школа № 4, г. Иркутск	Нож, 1 нападавший, 1 пострадавший ученик	Задержан
25.10.2017	Школа № 85, г. Волгоград	Нож, 1 нападавший, 1 погибший ученик	Задержан
11.02.2017	Школа № 1, г. Нижнекамск	Пневматическое оружие, 1 ученик погиб	Задержан
17.11.2017	Школа № 48, г. Нижний Новгород	1 нападавший, нож, 1 пострадавший ученик	Задержан
28.11.2017	Школа № 1, г. Высоковск	Нож, 1 нападавший, 1 пострадавший	Задержан
12.05.2017	Школа № 2, г. Усинск	Пневматическое оружие, 1 раненый ученик	Задержан
15.01.2018	Школа № 127, г. Пермь	Ножи, 2 нападавших, ранено 9 учеников и 1 взрослый (педагог)	Задержаны
17.01.2018	Школа в д. Смольное	Нож, 1 нападавший, 1 пострадавший ученик	Задержан
19.01.2018	Школа в поселке Сосновый Бор	Топор, бутылка с зажигательной смесью, 1 нападавший, пострадали 6 учеников, 1 взрослый (педагог)	Задержан
18.04.2018	Школа № 1, г. Стерлитамак	Нож, 1 нападавший, 1 пострадавший ученик	Задержан

Table 2. Attacks of school students on classmates and employees of educational organizations of Russia using cold steel and other types of weapon throughout 2014–2018.

Event Date	Accident Site	Firearms, number of attackers and injured people	Outcome for attacker
14.04.2014	School 39, St.-Petersburg, Russia	1 attacker, 1 injured adult (teacher)	Detained, sent for compulsory treatment
15.12.2014	School 4, Bryansk, Russia	Air gun, 1 injured student	Detained
17.03.2016	College of Hospitality and Management 23, Moscow, Russia	1 attacker, knife, 1 injured	Detained
18.03.2016	School 3, Nakhodka, Russia	1 attacker, knife, 1 killed (student)	Suicide
1.11.2017	Polytechnical College 42 Moscow, Russia	1 attacker, knife, 1 killed adult (teacher)	Suicide
05.09.2017	School 1, Ivanteevka, Russia	Air gun, топор, 1 attacker, 3 injured (students) и 1 injured adult (teacher)	Detained
8.12.2017	School 4, Irkutsk, Russia	1 attacker, knife, 1 injured student	Detained
25.10.2017	School 85, Volgograd, Russia	1 attacker, knife, 1 injured student	Detained
11.02.2017	School 1, Nizhnekamsk, Russia	Air gun, 1 student killed	Detained
17.11.2017	School 48, Nizhniy Novgorod	1 attacker, knife, 1 injured student	Detained
28.11.2017	School 1, Vysokovsk, Russia	1 attacker, knife, 1 injured	Detained
12.05.2017	School 2, Usinsk, Komi Republic, Russia	Air gun, 1 injured student	Detained
15.01.2018	School 127, Perm, Russia	2 attackers, knives, 9 injured students, 1 injured teacher	Detained
17.01.2018	School in Smolnoe village, Russia	1 attacker, knife, 1 пострадавший ученик	Detained
19.01.2018	School in Sosnovy Bor Town, Russia	Axe, bottle bomb, 1 attacker, 6 injured students, 1 injured teacher	Detained
18.04.2018	School 1, Sterlitamak, Bashkortostan, Russia	1 attacker, knife, 1 injured (student)	Detained

воречат уже известным сведениям об инцидентах в России, мы можем очертить ряд формальных признаков школьных расстрелов: преступник или преступ-

ники имели отношение к школе (учились в ней); убийства или ранения были умышленными, но без корыстных мотивов; нападения планировались и орга-

низовывались заранее; как правило, это были публичные и даже демонстративные акты, направленные на убийство неопределенного круга лиц. В большинст-

ве случаев к этому перечню добавляется использование огнестрельного оружия. Ряд случаев с применением холодного оружия, по нашему мнению, вполне соответствуют общему сценарию нападения на школы с целью массового убийства, а выбор нападавшими колюще-режущего оружия обусловлен, вероятно, недоступностью огнестрельного.

Сходство таких событий, происходящих по всему миру, заставляет предположить наличие особого феномена, существенно отличающегося от других форм школьного насилия. Отвечая на социальный заказ общества, исследователи пытаются раскрыть личностные и социально-психологические причины поведения «школьных стрелков», описать условия, способствующие таким инцидентам, и предложить меры профилактики подобных происшествий. Настоящий обзор включает в себя выделение социально-психологических условий и личностных особенностей, способствующих организации и совершению массовых убийства в учебных заведениях.

Ход исследования

Целью проводимого исследования стало обобщение накопленного в зарубежной литературе опыта осмысления феномена массовых школьных убийств, а также выделение структуры, этапов развития и факторов, влияющих на его возникновение. Была сделана попытка интеграции разных научных подходов к диагностике угрозы и профилактике массовых школьных убийств.

Исследование представляло собой поиск и обобщение выводов из научных публикаций по проблеме. Поиск осуществлялся с использованием библиографических систем и научных сетей Web of Knowledge, Scopus, ResearchGate, Google Scholar, Academia.edu, Mendeley. Критерии поиска были определены в соответствии с целью настоящего исследования. Поиск осуществлялся по таким терминам, как: school shootings, school violence, violence against peers, mass murderers, rampage shootings и др. Отбирались научные публикации, посвященные как рассмотрению конкретных случаев, так и содержащие мета-анализ психологических

и социально-психологических факторов школьных расстрелов и вопросы их предупреждения. Всего для анализа было отобрано 55 публикаций.

Лучше всего проблема оказалась разработанной в США, что не удивительно. В США зафиксировано больше всего подобных происшествий – начиная с 1996 года около 60 школьных расстрелов привели к гибели сотен людей (Rocque, 2012). По другим данным за период с 1974 года по 2000 год в США имело место 41 нападение на школы, причем 30 из них были совершены одиночками (McCaughey & Moskalenko, 2014). Наиболее известный случай, который упоминается в большинстве статей – «Колумбийский расстрел», произошел в США в 1999 году. Тогда два ученика в своей школе открыли огонь по учителям и преподавателям, в результате чего 30 человек были убиты и более 20 ранены (Malkki, 2014). По теме школьных расстрелов в США реализуются несколько исследовательских проектов, публикуются статьи и проводятся конференции. Исследования проводятся под эгидой таких организаций, как министерство образования США, Секретная служба США, национальная ассоциация школьных психологов, Федеральное бюро расследования, Национальный центр школьной безопасности и др. В частности, Американская психологическая ассоциация привлекает к разработке практических рекомендаций ведущих экспертов-психологов (American Psychological Association, 2013). Один из самых крупных исследовательских проектов по теме нападений на школы осуществлен в 2002 г. Секретной службой США в сотрудничестве с Министерством образования США. Это исследование получило название «Инициатива Безопасная школа» (Vossekil, Fein, Reddy, Borum & Modzeleski, 2002).

В Европе этой проблеме также уделяется внимание в ряде исследовательских центров и ассоциаций. Например, Европейская ассоциация социальных работников предлагает свои рекомендации по профилактике нападения на школы. Упомянута эта проблема и в Европейской программе по предупреждению насилия в молодежной среде (Sethi, Hughes, Bellis, Mitis & Racioppi, 2010).

Вопросы, поднимаемые в литературе по поводу школьных расстрелов, чаще

всего касаются двух аспектов: определения мотивов и предикторов нападений и поиск путей предупреждения такого поведения. В частности, многие публикации сосредоточены на описании признаков, которые должны насторожить школьный персонал, и на разработке системы выявления подростков, склонных к подобному поведению (Borum, Cornell, Modzeleski & Jimerson, 2010; Fast, 2008; Sommer, Fiedler, Leuschner & Scheithauer, 2016; Twemlow, Fonagy, Sacco, Otoole & Vernberg, 2002). Учителей, директоров и школьных психологов предлагается научить отличать намерение совершить вооруженное нападение от обычного «бунтарского» подросткового поведения (Robertz, 2007). Наиболее типичны качественные исследования на основе интервью и судебной практики (Фокс & Хардинг, 2005). Имеет место критика того, что большинство публикаций посвящено описанию и анализу одиночных фактов, но не принимаются во внимание многие важные переменные и вероятное взаимодействие между ними (Rocque, 2012).

Школьный расстрел как самостоятельный феномен

Обзор имеющихся публикаций подтверждает, что школьные расстрелы, отличаются от других сходных преступных действий с использованием огнестрельного оружия (разборки банд, захвата школы террористами или других убийств) по ряду признаков и заслуживают определения как самостоятельный феномен (Malkki, 2014). Прежде всего, такие массовые убийства отличаются от серийных – убийства и ранения совершаются в ограниченное время, все действие предстает как одна акция. Ученик (или бывший ученик) приносит в школу оружие с конкретной целью – застрелить кого-либо (а не только продемонстрировать оружие). Жертвой огнестрельного ранения, помимо самого стрелка, оказывается, как минимум, один человек. Обратим внимание на ключевой признак: преступник стреляет в людей, которые не были его первоначальной целью. Этот признак отличает данный тип происшествий от целенаправленных убийств в ходе межличностных конфликтов с применением

оружия. Именно он и создает ощущение нерациональности произошедшего, что подчеркивается часто встречающимся термином Rampage School Shooting, что можно перевести, примерно, как «школьные расстрелы в приступе безумства».

Имеется еще один, специфический признак, который ярко отличает школьные расстрелы от других видов школьного насилия. Отсутствие избирательности жертв сочетается с символическим характером насилия, а само действие, по всей видимости, имеет коммуникативную природу и реализует намерение нападающего сделать заявление, передать какое-то сообщение окружающим (Malkki, 2014). Другими словами, исполнителю не столь важно, кто станет конечной жертвой, ему не требуется, например, отомстить конкретным людям. Эта особенность «школьных расстрелов» проявляется в церемониальности, театральности и даже торжественности действия, которое напоминает древние ритуалы, где исполнитель играет роль бога перед тем, как его казнят или он совершит самоубийство (Fast, 2008). В этом смысле школьные расстрелы напоминают массовые убийства на рабочем месте, которые также часто включают в себя «символическую» цель (Rocque, 2012), и нападения террористов-одиночек (Spraij, 2010).

Существующие подходы к исследованию школьных расстрелов можно разделить на три общие категории (Rocque, 2012):

- 1) Поиск факторов риска – попытка построить модели, отбирая полезные «входные» переменные, чтобы предсказать выходную переменную – совершение преступления. В рамках этого подхода исследователи пытаются обнаружить «сигналы опасности» в четырех сферах: личность, семья, школа, социальная динамика. Этот подход принципиально «не теоретический» и скорее описывает, «кто» совершает преступление, чем отвечает на вопрос: «почему» (Fox & Burstein, 2010).
- 2) Применение патопсихологических теорий, которое чаще всего сводится к апелляции к различным психологическим заболеваниям. Так, предлагается разделять «школьных стрелков» на 3 типа: психопаты, психотики и травматика (Langman, 2009). Психопатические

«стрелки» не чувствуют эмоциональную связь с другими людьми, они не в состоянии испытывать чувство вины или угрызения совести. Они, как правило, могут наслаждаться, причиняя боль другим (например, мучают животных). Психотические «стрелки» страдают от разрыва с реальностью, испытывают глубокое чувство отличия от других, ощущают себя изгнанниками. «Стрелки» третьего типа характеризуется пережитым эмоциональным, физическим или сексуальным насилием.

- 3) Обращение к социально-психологическим, социологическим и культурологическим теориям. Например, обсуждается, насколько распространенный в Америке культурный стереотип: «Оружие может решать проблемы» стимулирует инциденты в школах (Rocque, 2012). Дискуссия разворачивается также в отношении роли насильственного содержания медиа и компьютерных игр в формировании установок на применение оружия. Другие исследователи сосредотачиваются на роли воздействия на нападающего со стороны школьного окружения: насмешек, запугивания, социальной изоляции. Исследователи отмечают также роль гендерных стереотипов и мужской идентичности, «культуры чести». В частности, в условиях гомофобии у подростка, которого дразнят и запугивают, может появиться желание показать другим, что он «настоящий мужчина» посредством насилия (Kimmel & Mahler, 2003). Предполагается и наличие влияния плотности социальной среды на насильственное и антисоциальное поведение – существует взаимосвязь между числом жертв и общим числом учащихся в школе и классе (Kaiser, 2006).

Несмотря на множественные попытки объяснения школьных расстрелов, лишь немногие исследователи предлагают системное рассмотрение этого феномена. Так, К. Ньюман (K. Newman) предлагает комплексную теорию школьных расстрелов, включающую пять «необходимых, но недостаточных факторов» (Newman, Fox, Roth, Mehta & Harding, 2004):

- самоощущение социальной изоляции, рассмотрение себя как изгоя;
- наличие психологических трудностей или расстройств (не обязательно психических заболеваний);

- распространенность культурных сценариев, в которых поддерживают насилие как средство решения проблем;
- отсутствие системы выявления потенциальных стрелков в школе;
- доступность оружия.

Согласно подходу, предложенному Дж. Левиним и Э. Мадфисом (D. Levin, E. Madfis), ряд факторов действует на потенциального нападающего последовательно, и вызываемое ими патологическое влияние имеет кумулятивный эффект (Levin & Madfis, 2009). Выделяются пять стадий, которые проходит такой индивид, накапливая «деформации»: хроническая деформация, неконтролируемая деформация, острое напряжение, стадия планирования и стадия осуществления. Хроническая деформация обусловлена глубокими жизненными разочарованиями (например, в отношениях с родителями или одноклассниками) и недостаточностью систем социальной поддержки и приводит к социальной изоляции. Эта стадия может длиться в течение нескольких лет. При этом проблемы взаимоотношения с социумом не обязательно видны со стороны. Например, семьи будущих «стрелков» окружающими часто воспринимаются как вполне благополучные. Стадия хронической деформации, в свою очередь, ведет к неконтролируемой деформации, которая возникает при отсутствии корректирующего воздействия социальных отношений. В благополучной ситуации те, кто не нашел поддержку в школе, могут обратиться к семье, к спортивному коллективу или к группе сверстников вне школы. Относительно же лиц, слабо включенных в социальные отношения, этот механизм конформизма перестает действовать и, в результате социум теряет над ними контроль. Социальная изоляция и соответствующая потеря социального контроля способствуют возникновению краткосрочного травмирующего события (острая деформация), неважно, реального или воображаемого. Таким событием-катализатором чаще всего является «потеря лица», унижение, например, отвержение со стороны девушки, провал в успеваемости или бойкот сверстников. Стадия острой деформации инициирует стадию планирования, на которой появляются фантазии о массовых убийствах

как о «мужском решении» восстановить чувство контроля.

Анализируя поведенческую составляющую школьных расстрелов, авторы обращают внимание на тот факт, что 81% нападения были совершены одиночками (McCauley & Moskalkenko, 2014). Принципиальным моментом таких действий является применение огнестрельного оружия, хотя по аналогии с террористами-одиночками можно предположить и вероятность применения взрывчатых веществ или захват транспортных средств (Sraaij, 2010).

Многие исследователи делают естественный вывод о взаимосвязи школьных расстрелов и культуры оружия в современном массовом сознании. Культура оружия, соответствует выделенной Э. Эриксоном «военной идентичности» – составному элементу групповой идентичности многих европейцев, передаваемому из поколения в поколение (Эриксон, 1996). Как и военная идентичность, культура оружия проявляется в содержании боевиков и компьютерных военных игр, в создании детских военных игрушек, в распространении стиля одежды «милитари» (Давыдов, 2011).

Типичный возраст совершивших массовые школьные расстрелы от 13 до 19 лет. Согласно Э. Эриксону, это возраст кризиса идентичности, предполагающего серию социальных и индивидуально-личностных выборов, идентификаций и самоопределений (Эриксон, 1996). Культура оружия предоставляет подросткам один из доступных способов обретения искомой идентичности. Оружие – это доступный символ власти и стратегическое средство получения статуса, господства или материальных благ. В условиях, когда брутальность, способность совершить насилие атрибутируется мужчине, владение оружием и его использование могут быть рассмотрены как способ достижения мужской идентичности и доминирования. Владение оружием является доказательством для самого человека и для всего мира собственной мужественности, значимости, способности влиять на окружающих. Кроме того, наличие оружия изменяет порядок и сложившиеся правила урегулирования конфликтов, которые воспринимаются субъектом как невыгодные для него. Та-

ким образом, оружие представляет собой инструментальную ценность. Ценность оружия подтверждается проявлениями доминирования, городскими «мифами», а также включением насилия с его применением в социальный дискурс повседневной жизни детей старшего возраста и подростков (Wilkinson & Fagan, 2001). Эта гипотеза позволяет объяснить, почему нападения почти всегда совершают мальчики-подростки и юноши.

Огнестрельное оружие, очевидно, имеет особый, символический смысл в школьных расстрелах. Демонстративный характер использования оружия подтверждается тем, что преступники часто приносят больше оружия, чем успевают или способны использовать (несколько ружей или пистолетов, множество боеприпасов). Как уже упоминалось, школьные расстрелы являются символическими актами, совершенными с намерением отправить сообщения для более широкой аудитории, чем непосредственные жертвы. В некоторых случаях это сообщение встроено в сам акт, но может быть и так, что преступник оставляет записки или видео, в которых он объясняет свой поступок (Malkki, 2014).

Подтверждением ритуально-демонстративного характера действия является самоубийственный финал – часто это суицид или безрассудная перестрелка с полицией. При этом существуют предположения о принципиальных различиях в поведении стрелков, которые намерены совершить суицид и тех, кто предполагает остаться в живых (Lankford, 2015). В абсолютном большинстве случаев нападавшие понимали, что их ждет смерть – они не пытались скрыться, изменить внешность и т.п. Поскольку самосохранение не является для них целью, переговоры с такими стрелками вести весьма сложно, и часто они не приносят результата. Изначально суицидальный характер намерений осложняет и заградительную профилактику – в данном случае наличие вооруженных охранников, систем видеонаблюдения и т.п. не является сдерживающим фактором. Более того, самоубийство руками полицейских (Suicide by cop) – это одна из характерных интенций школьных стрелков. Возможно, гибель в перестрелке с полицией воспринимается ими как способ «с честью»

выйти из позорного социального положения, связанного с насмешками и изоляцией (Weatherby, Strachila & McMahon, 2010).

Комплекс «школьного стрелка»

Построение личностного профиля «школьного стрелка» является одной из самых популярных тем научных публикаций (Kimmel & Mahler, 2003). Среди общественности распространен образ «стрелка» как социально некомпетентного одиночки, испытывающего постоянные насмешки от сверстников и играющего в жестокие видеоигры. В реальности, однако, наблюдается слишком много индивидуальных особенностей нападавших (Ferguson, Coulson & Barnett, 2011). В докладе, опубликованном Секретной службой США, признается, что не существует точного портрета ученика, готовящего нападение (Prior Knowledge of Potential ..., 2008).

Вместе с тем, решение этой задачи в отношении террористов-одиночек оказалось более успешным, нежели в отношении «обычного» террориста, действующего в группе (McCauley & Moskalkenko, 2014). Вероятно, поведение одиночек описывается более-менее ограниченным числом личностных предикторов. Какие же общие черты лиц, совершивших нападения в школах, могут быть выделены? Прежде всего, вполне объяснимый факт, что во всех описанных случаях (за исключением одного) – нападавшими являлись мужчины. Чаще они были представителями этнического большинства. Возраст нападавших обычно находился между 13 и 19 годами (Malkki, 2014). Почти две трети нападавших (63%) имели полную семью, многие из них хорошо учились (Prior Knowledge of Potential ..., 2008). В большинстве случаев школы, в которых происходили инциденты, находились в пригородах или сельских районах, которые обычно характеризуются низким уровнем насильственных преступлений (Rocque, 2012).

С точки зрения криминологии, характеристики «школьных стрелков», данные выше, необычны, поскольку они противоречат общим тенденциям преступности (Rocque, 2012). Следует отметить тот

факт, что более половины совершивших вооруженные нападения в школах имели опыт обращения с оружием вне военной службы (McCauley & Moskalkenko, 2014).

Часто обсуждается проблема, являются ли нападавшие психически больными людьми. Обычно каждое подобное происшествие комментируется в СМИ врачами-психиатрами, которые предсказуемо находят причины произошедшего в различных личностных патологиях. Однако многие исследователи приходят к выводам, что изученные преступления редко связаны с психопатологией (McCauley & Moskalkenko, 2014; Spaaïj, 2010). Обзор истории 27 молодых (средний возраст 17 лет) массовых убийц, проведенный Дж. Мелой с коллегами, показал, что, хотя 23% из них имели историю обращения к психиатрам, лишь 6% были признаны невменяемыми на момент совершения массовых убийств (Meloy, Hempel et al., 2001). Общий вывод можно сформулировать так: хотя большинство массовых убийц являются «нормальными» в медицинском смысле, но имеют заметные психологические проблемы (Spaaïj, 2010).

Действительно, многие лица, совершившие вооруженное нападение в школах, страдали выраженной депрессией хотя бы раз в жизни (Spaaïj, 2010), причем, у 61% «стрелков» факт депрессии был отражен в медицинских документах (Ferguson et al., 2011). По другим данным, испытывали депрессию, отчаяние или имели суицидальные мысли около 78% совершивших нападения в школах США (Ferguson et al., 2011; McCauley & Moskalkenko, 2014).

Значительное внимание исследователи уделяют поиску конкретных мотивов «школьных стрелков», они часто сопоставляются с мотивами террористов-одиночек. Хотя в последние 10 лет чаще происходят школьные расстрелы под видом политического акта с соответствующими заявлениями (Malkki, 2014), идейные мотивы, например, «белое» расовое превосходство, исламский фундаментализм, сепаратизм и т.д., выглядят наименее убедительными. Кроме того, существует огромный разрыв между приверженностью крайним взглядам и вероятностью совершения насильственных акций (McCauley & Moskalkenko, 2014).

Наиболее вероятными непосредственными побудительными мотивами «школь-

ных стрелков» чаще называют фантазии с насильственным содержанием. Часто эти фантазии «вырезают» несколько лет, прежде чем реализуются (Robertz, 2007). Следует учесть, что, вообще, насильственные фантазии являются нормальной реакцией на обиду и бывают почти у всех. Однако в патологических случаях фантазии о насилии сохраняются в течение ряда лет, со временем становятся даже более подробными и конкретными (Spaaïj, 2010). Допросы некоторых убийц, проводимые ФБР, показали, что фантазии сначала просто появлялись в свободное время, потом становились все более навязчивыми, наконец, занимали все «психическое пространство», и появлялась потребность действовать. Часто к фантазиям добавлялось представление о «божественном» праве решать судьбу других и т.п. Сначала проблемные подростки, как правило, держат эти фантазии в секрете, но ближе к совершению действий их мысли и планы все больше начинают проявляться в разговорах с друзьями и в социальных сетях. Это распространенный и очень важный сигнал, который не должен быть пропущен.

Другим, часто выделяемым мотивом «школьных стрелков» является обида, фрустрация, желание мести. Здесь наличие сходство с лицами, совершившими массовые убийства, многие из которых на протяжении долгих лет страдали от разочарования, унижения и неоднократных неудач (Aitken, Oosthuizen, Emsley & Seedat, 2008). В результате у таких людей часто наблюдается снижение способности справляться с трудностями, наряду с постоянным понижением самооценки, что может вести к депрессии и экстернализации вины, приводящей к восприятию всех окружающих в качестве причин его проблем и неудач (Fox & Levin, 2003). Здесь мы видим образ жестокого ребенка, похожий на описание серийного убийцы, который посредством фантазии символически отыгрывает несправедливость, случившуюся с ним в прошлом. От давления несправедливости он освобождается с помощью нападения и убийства в одном взрывном символическом акте (Douglas & Olshaker, 1997).

Чаще всего обида и желание мести связаны с отношениями в среде сверстников. Отмечается, что более 80% лиц, совершивших нападения на школы, испы-

тывали на себе давление, издевательства, групповую травлю, побои или даже ранения (Leary, Kowalski, Smith & Phillips, 2003; McCauley & Moskalkenko, 2014). Автор книги о школьных расстрелах Дж. Клейн прямо называет буллинг главным предиктором школьных расстрелов (Klein, 2012). Обидчиками также могут выступать учителя или девушка, оскорбившие или отвергшие подростка. В некоторых случаях подростки переживали социальную несправедливость, сравнивая себя с более богатыми и привилегированными сверстниками, и пытались отомстить им. Обиды подростков могут быть связаны и с такими аспектами, как жажда признания, низкая самооценка («меня никто не ценит») и пессимизм по поводу своего будущего. Поскольку обиды часто накапливаются в школе, в фантазиях о мести действие тоже обычно разворачивается в школьной среде. Однако необходимо отметить выводы ряда исследователей, которые свидетельствуют, что издевательства и игнорирование со стороны сверстников имеют место в ситуациях школьных расстрелов не столь часто, как принято считать – примерно в 50% случаев (Weatherby et al., 2010).

Следующий фактор, вносящий заметный вклад в формирование комплекса «школьного стрелка» – генерализованные проблемы во взаимоотношениях со сверстниками. Прежде всего, это отсутствие тесной сети дружеских отношений – «школьных стрелков» чаще можно охарактеризовать как «одиночек». Обычно это тихони, и они часто уклоняются от общения со сверстниками, даже стараются не разговаривать с ними (Robertz, 2007; Spaaïj, 2010; Vossekuil et al., 2002; Robertz, 2007).

В то же время, многие лица, совершившие нападения, характеризовались как имеющие достаточно много социальных контактов с окружением. Лишь 12% не имели близких друзей совсем, около 34% были социально изолированными (Vossekuil et al., 2002). Эти цифры выше средних в соответствующей возрастной группе, однако они никоим образом не указывают на универсальную тенденцию (Ferguson et al., 2011). В некоторых случаях такие лица выглядели вполне коммуникабельными и даже популярными среди сверстников (Fast, 2008). Почти по-

ловина стрелков была вовлечена в социальную жизнь вне школы (спортивные команды, клубы по интересам, дополнительное образование и религиозные группы) (Vossekuil et al., 2002). Однако, что интересно, большая часть «стрелков» (71%) считали себя обиженными, описывали себя как жертв издевательств или преследований другими. В двух третях случаев нападавший чувствовал себя запуганным, часто давно и серьезно. При этом в 75% случаев жертвам не угрожали напрямую, то есть здесь имело значение качество школьного климата в целом (Twemlow et al., 2002). Эта особенность может свидетельствовать о том, что субъективное восприятие нападавшего играет более важную роль в ситуации с насильственными действиями, нежели реальное положение дел в школьном коллективе (Ferguson et al., 2011).

Очевидно, важно учесть и динамику отношений со сверстниками, ведь по мере того, как фантазии будущего «стрелка» становятся все более навязчивыми, он начинает пренебрегать своими реальными отношениями, уходит «вглубь себя», сосредоточивается на техническом планировании акта. В этот период серьезное разочарование в сфере отношений (например, распад дружбы или несчастная любовь) может удвоить его усилия при подготовке вооруженного нападения.

Еще одним часто упоминаемым мотивом действия «школьных стрелков» является желание подражать широко известными преступлениям. Тема моделирования поведения сообщениями СМИ является дискуссионной. Однако есть несомненная зависимость между публикациями СМИ и разными формами девиантного насильственного поведения подростков и молодежи (суициды, уличные погромы и др.). Скорее всего, такая связь имеет место и в случае школьных расстрелов (Newman & Fox, 2009). В научной литературе приводятся несколько случаев, когда подростки-убийцы сообщали, что знают примеры аналогичного поведения и хотели быть «круче», превзойти своих предшественников (например, убить больше человек). Один из наиболее значимых примеров, доказанно оказавший влияние на 16 из 27 исследованных школьных расстрелов – это «Колумбийский стрелок» (Malkki, 2014). Сле-

дует учесть, что СМИ могут не оказывать прямое влияние на поведение, но предоставлять необходимый материал для фантазий. Стрелки-подражатели часто носят аналогичную одежду и выбирают то же оружие, что у их героев.

Также неоднозначна роль компьютерных игр – «стрелялок». Ряд исследователей отмечает их влияние и указывает на факты, когда нападающие копируют героев игр, например, называют свое оружие именами, как в компьютерных играх. С другой стороны, выяснилось, что обращение к продукции масс-медиа, содержащей образы насилия, среди «школьных стрелков» было обычным для молодых людей этого возраста, а в некоторых случаях, даже меньшим (Giles, 2003). Действительно, только 15% «стрелков» имели выраженный интерес к жестоким видеоиграм, поэтому ряд исследователей считает, что нет надежного подтверждения их прямого вреда (Ferguson et al., 2011). Иными словами, компьютерное игровое насилие само по себе вряд ли является значимой причиной агрессивного поведения «стрелков».

Более глубокий аспект рассмотрения проблемы насилия – это учет ценности насилия. Культура насилия в современном обществе является заметным фактором агрессивного поведения молодежи (Davydov, 2015). Около 37% «школьных стрелков» создавали собственные стихи, эссе, блоги и т.п., в которых можно заметить их интерес к насилию. Высказывается предположение, что «школьные стрелки» росли в среде, где насилие воспринималось как один из главных способов получения признания и уважения. Например, они видели насилие или подвергались ему в раннем возрасте (Ferguson et al., 2011).

Важной вехой на пути к планированию и осуществлению нападения на школу является сильное негативное переживание, испытываемое подростком (юношей) и выступающее катализатором или триггером, провоцирующим акт агрессии (Fox & Levin, 2003). Почти все лица, совершившие нападения (98%), испытывали какие-либо крупные потрясения до инцидента (Ferguson et al., 2011). Это такие события, как нежелательное расставание, финансовые потери, конфликты в семье и/или чрезмерное издевательст-

во (Aitken et al., 2008; Douglas & Olshaker, 1997; Fox & Levin, 2003). По мнению Г. Дуве (G. Duwe), человек, который уже испытывает злость, отчаяние и чувствует себя преследуемым, может рассматривать расставание с любимым человеком, ссору с другом или другую утрату в семье как потерю «последней соломинки» (Duwe, 2004). Этот эффект называют «разморозкой» (unfreezing) – прежние чувства и отношение ко многим вещам подвергаются разрушению из-за испытываемой или предполагаемой потери. В результате может возникнуть кризис идентичности – человеку кажется, что его прошлое поведение, мысли и желания были ошибочными. Потеря статуса и разрушение отношений могут делать более легким переход к радикальным действиям, поскольку «терять нечего» (McCauley & Moskalkenko, 2014). К сожалению, несмотря на видимые переживания потери и выраженную депрессию, большинство «школьных стрелков», не получило вовремя специализированную психологическую помощь (Ferguson et al., 2011).

Методы выявления и профилактики угрозы школьных расстрелов

По мнению ряда авторов, на сегодняшний день не существует ни одного списка поведенческих реакций или психологических тестов, которые однозначно были бы полезны для оценки возможной угрозы со стороны опрашиваемого. Наличие психического заболевания так же не является доказанным предиктором склонности к массовой стрельбе (Vossekuil et al., 2002). Часто представители школьной администрации, во всяком случае по их утверждениям, не имели никакой предварительной информации о том, что стрелявшие школьники страдали от серьезных эмоциональных, социальных и/или поведенческих отклонений и испытывали глубокую ненависть к своим учебным заведениям (Фокс & Хардинг, 2005). Поскольку факторы риска «школьных расстрелов» заметно отличаются от факторов риска молодежного насилия в целом, учителя, администрация школ и полиция, возможно, просто обращают внимание не на те признаки.

Вместе с тем, в литературе описываются и примеры успешного «прочтения» сигналов. Так, в 2007 году анализ онлайн-чата позволил американской полиции обнаружить следователя одного из известных стрелков – 14-летний ученик одной из школ Пенсильвании признался, что планировал атаку на свою школу (Фокс & Хардинг 2005).

Обобщая различные источники (Bowers, Holmes & Rhom, 2010; Ferguson et al., 2011; Katsiyannis, Whitford & Ennis, 2018; Twemlow et al., 2002), можно выделить несколько сигнальных признаков, имеющих значение для предупреждения школьных расстрелов. Прежде всего, надо иметь в виду, что «стрелки», как правило, лица мужского пола, которые подвергались буллингу, издевательствам или бойкоту одноклассников. Например, их часто дразнили в школе за застенчивый характер, за особенности речи или за «немужское поведение». Они также могли испытывать проблемы во взаимоотношениях с учителями. Следует отметить, что обычно у них нет никаких явных паталогических черт характера. Тем не менее, симптомы депрессии и «плоских эмоций» являются важным признаком возможной последующей агрессии. К. Фергюсон приходит к выводу, что для прогнозирования «расстрелов» более значимы не внешние факторы (игра в компьютерные игры, социальная изоляция, факты насмешек), сколько внутренние (личностное восприятие ситуации и переживание одиночества). Имеющийся некий уровень депрессивных симптомов у подростка при наличии у него антиобщественных черт личности является наиболее прогностичным критерием его готовности к насилию (Ferguson et al., 2011).

К непосредственным поведенческим признаком такой готовности можно отнести:

- сбор плакатов с изображениями «стрелков», фильмов и книг, посвященных оружию, регулярные посещения оружейных веб-сайтов, опыт обращения с огнестрельным оружием;
- создание веб-страницы, на которой обсуждаются случаи расстрелов, размещаются видео со стрельбой, песни с агрессивным содержанием (типа «Вся жизнь – это война, и вся жизнь – это

боль, и ты будешь один вести свою личную войну»);

- прямые свидетельства или намеки на насильственные фантазии и планы.

Хотя подростки могут сначала скрыть свои деструктивные фантазии из опасения, что над ними будут смеяться или запишут в «психов», с течением времени они могут начать ощущать необходимость рассказать о них. Это может быть сделано в виде намеков в разговорах, рисунках, стихах, переписке на интернет-форумах. Например, один из «стрелков» рассказывал приятелям о своей фантазии добавить крысиный яд в пиццу (Ferguson et al., 2011). Иногда подростки и молодые люди общаются в социальных сетях, планируя нападения и обсуждая детали. Известны примеры, когда, анонимно рассказав о своих планах (в социальных сетях), будущий «стрелок» просит помощи: «Я не знаю, что со мной, помогите мне ...».

Раскрытие непосредственных планов нападения или намеки на это накануне совершения действия можно считать одним из самых тревожных сигналов. В большинстве случаев (81%) накануне совершения преступления «стрелки» сообщали какому-либо человеку о своем намерении совершить нападение на школу. Обычно это были сверстники, «стрелок» предупреждал кого-либо из учеников заранее, чтобы они избежали опасности (Ferguson et al., 2011). Анализ 37 случаев школьных расстрелов, начиная с 1974 г., показал, что в 75% случаев другие учащиеся знали, что скоро произойдет стрельба, но только в двух случаях «стрелок» уведомил взрослого (Vossekuil et al., 2002).

Сообщения о планируемом действии могут быть опубликованы в социальных сетях или посланы в местные СМИ. Есть примеры, когда за несколько часов до совершения акта «стрелок» публиковал в интернете свои записи, идеи, объяснял мотивы и т.п. Полицейские могут обнаруживать такие сигналы слишком поздно, как это произошло в двух случаях в Финляндии в 2007 и 2008 гг. (Ferguson et al., 2011).

Другая форма отправки сообщений – заранее подготовленная записка. Так, в 1989 г. в Монреале «стрелок» написал и оставил в своем кармане записку, прежде чем убить 14 человек. Другой нападавший, устроивший стрельбу в афин-

ской школе в 2009 г. написал в записке: «У меня нет причин жить дальше. Но, к несчастью для вас, я слишком эгоистичен, чтобы уйти самому и оставить вас жить». Он также написал, что был отвергнут человеком, в которого был влюблен, и жаловался, что он не испытывал «ничего, кроме отторжения и презрения от тех, кто вокруг меня» (Malkki, 2014; Фокс & Хардинг, 2005).

В 2001 году студент Калифорнийского общественного колледжа был обнаружен на заключительных этапах планирования нападения, когда сотрудник колледжа заметил, что он сфотографировал себя и все материалы, которые он собрал для атаки. Студент приобрел через интернет необходимые для нападения материалы, составил подробные карты помещений школы, наметил конкретные цели, написал эссе и сделал аудиозапись, объясняющую его действия. Полиция отреагировала на сообщения сотрудника и, обследуя дом молодого человека, нашла явные доказательства планируемого нападения (Twemlow, Fonagy, Sacco & Vernberg, 2008).

Учитывая, что большинство преступников подают сигналы о своих намерениях заранее, все угрозы такого рода должны быть приняты всерьез. Литературно зафиксированные фантазии могут быть важными, если в них явно прослеживаются соответствующие мысли и переживания. Например, история, в которой террорист врывается в школу, стреляет в учителей и учеников, но один студент оказывает ему сопротивление и затем убивает террориста, становясь героем, должна встревожить гораздо менее, чем история, в которой школьник просто убивает преподавателей и студентов, особенно тех, кто «обидел» его (Ferguson et al., 2011).

Разумеется, на практике оценить вероятность нападения на школу не так просто. Такая оценка должна носить комплексный характер, учитывающей не только конкретные паттерны поведения, личностные особенности и психологические проблемы личности, но и принимать во внимание взаимоотношения в семье, в среде сверстников, психологический климат в школе, а также культурные факторы, характерные для конкретного региона. Профилирование – метод

оценки угроз, используемый ФБР и близкий к дифференциальной клинической оценке. Он требует специальной подготовки психолога-диагноста и большой компетентности (Twemlow et al., 2008), поэтому обычно этот метод недоступен для образовательных организаций. При этом отмечается, что, как врачам общего профиля или подростковым психиатрам, педагогам, так и сотрудникам правоохранительных органов, крайне затруднительно сделать оценку риска совершения нападения на школу, в том числе и из-за сложностей межведомственного взаимодействия и имеющихся границ полномочий относительно взаимодействия со школой и с семьей (Twemlow et al., 2008).

Публикации по теме школьных расстрелов часто содержат предложения по их предупреждению. Среди организационных причин подобных происшествий упоминается направленность учителей и администрации исключительно на академические занятия, а не на распознавание и удовлетворение социальных и эмоциональных потребностей учеников. Профилактика, ориентированная на учеников, проявляющих первые поведенческие признаки склонности к насилию, является более плодотворной, чем массовые профилактические мероприятия (Ferguson et al., 2011). Школьные психологи и социальные работники должны помочь разочарованным в себе и в обществе подросткам найти место в обществе (многие из них считают, что они его не имеют). Индивидуальная работа школьной администрации направлена в основном на отстающих и недисциплинированных учеников, оставляя без внимания сравнительно тихих подростков со средней академической успеваемостью, которые как раз и затевают стрельбу (Фокс & Хардинг, 2005).

В то же время, одним из направлений профилактики следует считать работу по снижению общего уровня насилия в школах. Все подростки, а не только подростки, подверженные риску, должны приобретать в школе социальные навыки (например, сопереживание, толерантность, способность к мирному разрешению конфликтов). Школьников надо также обучать критически оценивать средства массовой информации, которые демонстрируют насилие.

Школа должна использовать учебное время и предлагать внеклассные занятия, которые способствуют проявлению всеми школьниками своих возможностей. Каждый должен иметь увлечение и при этом иметь возможность почувствовать уважение и поддержку своей работы со стороны. Установление сети крепких социальных связей удерживает подростка от резких и опасных действий. Криминологами давно известно, что налаживание и поддержание отношений являются лучшим способом предотвращения насилия. Когда подросток устанавливает крепкие связи с людьми, о которых он заботится, он склонен ценить эти отношения. Если таких отношений нет, подросток может легче «все поставить на карту», чтобы реализовать свои деструктивные фантазии.

Анализ двадцати двух случаев массовой школьной стрельбы в период с 1995 по 2014 гг. в США предоставляет интересные данные о размерах школ и соотношении числа учащихся и учителей. Выясняется, что в школах, в которых происходили массовые расстрелы, число учащихся было значительно выше, чем в среднем в школе по штату. Кроме того, учащиеся, совершившие массовую стрельбу в школе, значительно с большей вероятностью ранее посещали школу с меньшим числом учащихся и с более низким, чем среднее по штату, количеством преподавателей. Кроме того, было показано, что переход от школы меньшего размера («поддерживающей школы») к более крупной, более анонимной школе может усугубить существующие проблемы психического здоровья потенциальных школьных стрелков. Таким образом, в небольших школах значительно меньше вероятность актов массового насилия (Baird, Roellke & Zeifman, 2017). Исходя из этого, предлагается даже строить школы меньшего размера (Kaiser, 2006).

Что касается охранного персонала, то, несмотря на распространение этих ситуационных форм предупреждения преступлений, пока не ясен вопрос об эффективности подобных мер (Fox & Burstein, 2010). Некоторые исследователи дают рекомендации по снижению физических «возможностей насилия» (Trump, 2000), в частности, рекомендуя исключение закрытых для наблюдения зон внутри и снаружи школы, ограждения терри-

тории или установку видеонаблюдения и металлодетекторов (Duplechain & Morris, 2014), но эти предложения не находят поддержки у других исследователей.

Ф. Лемье, изучая массовые расстрелы, не нашел подтверждений того, что вооруженные охранники снизили число смертей или ранений в учреждении (Lemieux, 2014). Только 17% «стрелков» были убиты полицией, причем, после того, как они нанесли значительный урон. Ряд авторов утверждают, что такие меры не стоят затрат, что они могут лишь привести к «атмосфере страха» в школах, что на самом деле может сделать их более опасными (Rocque, 2012). Другие отмечают, что заборы, металлодетекторы и охрана не уменьшают риск «школьной стрельбы», потому что «стрелки» атакуют свои собственные школы (Langman, 2009). Например, во многих случаях камеры наблюдения имелись и снимали происходящее, но это не помогло ни предупредить, ни прекратить стрельбу (Fox & Burstein, 2010; Langman, 2009).

Обсуждение возможностей профилактики стрельбы в школе с помощью заградительных барьеров и охранного персонала ведется и в России. При этом отмечается, что охранники обычно не готовы к нападению, да и силами охраны школы предотвратить подобные нападения практически невозможно. Единственным вариантом, который мог бы реально стать препятствием для нападения, является тотальный досмотр и допуск в образовательные организации по аналогии с аэропортами, что в условиях большого числа школ в России является нерациональным и фактически нереализуемым. Таким образом, действующая профилактическая работа должна быть направлена не на имитацию охраны, а на психологическую и социальную работу с обучающимися, которая позволит обнаружить возможность совершения насильственных действий и оказать своевременную помощь подростку. В качестве возможных мер снижения числа жертв нападения называется формирование секторов в школе, что будет способствовать ограничению доступа «стрелка» к другим учащимся (Глухарев, 2014).

Одной из важных мер предупреждения инцидентов в школе может стать поощрение учеников, сообщающих учителю и администрации школы об особенно-

стях поведения одноклассников, свидетельствующих о наличии угрозы насилия (Rosque, 2012). В студенческих кампусах рекомендуется создавать различные «команды» по обнаружению угроз и разрешению проблем (Van Brunt, 2012).

Каждое произошедшее событие со школьной стрельбой увеличивает вероятность повторения посредством «заражения». Сообщается, что в США инцидент является «заразным», в среднем, в течение 13 дней и вызывает, в среднем, по меньшей мере 0,22 новых инцидента (Towers, Gomez-Lievano, Khan, Mubayi & Castillo-Chavez, 2015). В публикациях также отмечается, что средства массовой информации должны уделять меньше внимания личности преступника, его девиантным мотивам и описанию техники нападения (Dahmen, 2018). Нужно сообщать больше о последствиях преступления. В целом, здесь применимы принципы освещения в СМИ случаев суицидов, позволяющие избежать «эффекта Вертера» (Meindl & Ivy, 2017).

В средствах массовой коммуникации тема расстрела обычно занимает около шести месяцев (Sorensen, 2013). Массовые расстрелы, особенно в школах, имеют весьма резонансный характер – такие события широко обсуждаются в СМИ и в социальных сетях. Многие исследователи отмечают, что такое пристальное внимание общественности имеет ряд негативных последствий: снижается ощущение безопасности, растет тревожность школьников, родителей и педагогов.

Кроме того, общественность начинает переоценивать риск насилия (Rosque, 2012). Обычно в это время в обществе активно дискутируется проблема влияния компьютерных игр с элементами насилия. Школьный персонал после таких резонансных случаев может вести себя чрезмерно настороженно, слишком серьезные выводы и меры могут быть приняты по малозначительным поводам (например, из-за рисунка на обложке тетради). Такую реакцию авторы часто определяют как «паника». В этот период особенно заметно, что учителя и администрация не умеют отличать важные признаки намерения применить оружие от обычного подросткового поведения (Ferguson et al., 2011).

В течение 18 месяцев после расстрела наблюдается заметный рост психических

расстройств или обострения существовавших ранее психических расстройств у жертв и непосредственных свидетелей нападения (Seguin et al., 2013). Ряд исследований описывают различные аспекты нарушения психического здоровья такие, как краткосрочный дистресс (Vicar & Fraley, 2010), неадекватные копинг-стратегии и общий психологический дистресс, появление различных посттравматических симптомов. Они могут проявляться у уязвимых учащихся (Littleton, Axsom & Grills-Taquechel, 2011). Отмечается, что травматические воздействия усиливались в связи с действиями полиции, которая искала возможных сообщников и опрашивала свидетелей в то время, как все ученики стремились быстрее покинуть школу и вернуться домой (Seguin et al., 2013).

Выводы

Нападения на образовательные учреждения, совершенные бывшими или нынешними учащимися, и приводящие к множественным случайным жертвам, являются специфическим феноменом, выделяющимся из других видов насилия с применением оружия. Этот феномен можно отнести к более общему классу «массовых убийств на работе» (workplace shootings). Такие нападения на школу отличает кажущаяся бессмысленность происходящих событий, неожиданность, демонстративность и отсутствие логики в действиях нападающих.

Часто оказывается, что нападавший был обычным малозаметным учеником и его поведение не давало существенных поводов для беспокойства. Хотя невозможно построить точный обобщенный психологический портрет нападавшего, несколько теоретических моделей предлагают выводы, имеющие практическое значение для предупреждения подобных происшествий.

Прежде всего, следует отметить, что такие нападения не вызываются случайным и внезапным «умопомешательством». Более того, рассмотрение «стрелков» с психопатологической точки не является обоснованным фактами и продуктивным в плане практической профилактики. Очевидно, формирование

«стрелка» проходит несколько этапов, сопровождающихся трансформацией как его социальных связей, так и мотивов, и фантазий. Такие трансформации носят кумулятивный характер, постепенно подводя личность к намерению и планированию акта нападения. Выделяется несколько социальных и личностных предикторов школьных расстрелов.

Прежде всего, это отсутствие значимого социального контроля, вызванное его слабой интегрированностью в систему социальных связей как в школе, так и вне ее. Отсутствие дружеских отношений при этом сопровождается самоощущением социальной изоляции (чувства «изгоя»). Отсутствие корректирующего социального влияния связано со снижением способности справляться с трудностями. Все это, наряду с постоянным понижением самооценки и проблемами идентичности (прежде всего, гендерной), приводит к депрессии. Следует отметить, что значимую роль здесь играет не видимое положение дел, а субъективное восприятие будущим «стрелком» социальных отношений. На этом фоне сильное негативное переживание (нежелательное расставание, ссора, финансовые потери, конфликты в семье или буллинг) могут приводить к активизации фантазий о мести, которые со временем приобретают навязчивый характер.

Сам акт нападения представляет собой драматургически организованное действие. С его помощью нападающий как бы посылает сообщение окружающему миру, в котором он чувствуют свою обиженность и ненужность. Коммуникативная природа этого акта подтверждается сигналами, которыми сопровождается «созревание стрелка» и непосредственная подготовка. К таким сигналам, имеющим важное значение для своевременного выявления проблемы, относятся: увлечение оружием, героизация убийц, насильственные фантазии на тему мести, изменение социальных связей. Исследователи отмечают растущий консенсус по поводу основных черт лиц, склонных к вооруженным нападениям в школах. Как правило, для них характерно: наличие обиды, опыт владения оружием, стресс, депрессия и временная или хроническая социальная изоляция.

Вышеназванные характеристики, хотя и могут быть использованы в целях

диагностики и профилактики преступлений, не составляют «профиль», который может использоваться для надежного выявления подростков, склонных к совершению массовых убийств. Очевидно, что таким критериям будут соответствовать тысячи детей, но при этом

они не будут иметь намерений к совершению массовых убийств или других значительных актов насилия.

В формировании агрессивных намерений подростка предположительно ведущую роль играет социальная среда, прежде всего, межличностные от-

ношения. При этом объективные характеристики отношений (теснота связей и наличие реальных конфликтов) не являются определяющими, важнее субъективное переживание будущим «стрелком» десоциализации, обиды и изоляции.

Литература:

- Глухарев Д.С. Предупреждение террористических актов на объектах системы образования // Инновационное развитие профессионального образования. – 2014. – Т. 6. – № 2. – С. 10–13.
- Давыдов Д.Г. Военная идентичность как компонент общественного сознания // Социальные науки и современное общество. – 2011. – № 1. – С. 65–76.
- Нападения в российских школах. [Электронный ресурс] // Известия : [сайт]. URL: <https://iz.ru/story/napadeniia-v-rossiiskikh-shkolakh> – (дата обращения 25. 11.2018).
- Происшествия. [Электронный ресурс] // Аргументы и факты : [сайт]. URL: Режим доступа: <http://www.aif.ru/incidents> – (дата обращения 25. 11.2018).
- Случаи нападений в российских школах в 2017–2018 годах. Досье. [Электронный ресурс] // ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/info/4885783> – (дата обращения 25. 11.2018).
- Топ-8 нападений учеников на школы в России. [Электронный ресурс] // NewsNN : [сайт]. URL: <https://newsnn.ru/cards/19-01-2018/top-8-napadeniy-uchenikov-na-shkoly-v-rossii-365dbc3f-2780-4ac0-8964-20058647236e> – (дата обращения 25. 11.2018).
- Фокс С., Хардинг Д.Д. Стрельба в школах как вид организационного отклоняющегося поведения // Социология образования. – 2005. – № 10. – С. 42–44.
- Шайгерова Л.А., Шилко Р.С., Зинченко Ю.П., Долгих А.Г., Ваханцева О.В. Культурная детерминация психического здоровья и психологического благополучия: методологические вопросы. // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2018. – № 2. – С. 3–23.
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – Москва : Прогресс, 1996.
- Aitken L. Oosthuizen P. Emsley R. & Seedat S. (2008). Mass Murders: Implications for Mental Health Professionals. *The International Journal of Psychiatry in Medicine*, 38(3), 261–269. doi: 10.2190/PM.38.3.c.
- American Psychological Association. (2013). Gun violence: Prediction, prevention, and policy. Retrieved from: <http://www.apa.org/pubs/info/reports/gun-violence-prevention.aspx>
- Baird A.A., Roellke E.V., & Zeifman D.M. (2017). Alone and adrift: The association between mass school shootings, school size, and student support. *Social Science Journal*, 54(3), 261–270. doi:10.1016/j.soscij.2017.01.009
- Borum R., Cornell D.G., Modzeleski W., & Jimerson S.R. (2010). What Can Be Done About School Shootings?: A Review of the Evidence. *Educational Researcher*, 39(1), 27–37. doi: 10.3102/0013189X09357620
- Bowers T.G., Holmes, E. S., & Rhom, A. (2010). The Nature of Mass Murder and Autogenic Massacre. *Journal of Police and Criminal Psychology*, 25(2), 59–66. doi: 10.1007/s11896-009-9059-6
- Dahmen N.S. (2018). Visually Reporting Mass Shootings: U.S. Newspaper Photographic Coverage of Three Mass School Shootings. *American Behavioral Scientist*, 62(2), 163–180. doi: 10.1177/0002764218756921
- Davydov D.G. (2015). The Causes of Youth Extremism and Ways to Prevent It in the Educational Environment. *Russian Education & Society*, 57(3), 146–162. doi 10.1080/10609393.2015.1018745
- Douglas, J. E., & Olshaker, M. (1997). *Journey into Darkness*. New York, N.Y.: Scribner.
- Duplechain R., & Morris R. (2014). SCHOOL VIOLENCE: REPORTED SCHOOL SHOOTINGS AND MAKING SCHOOLS SAFER. *Education*, 135(2), 145–150. Retrieved from: <http://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true&db=aph&AN=100464126=ru&site=ehost-live> (accessed: 25.11.2018).
- Duwe, G. (2004). The patterns and prevalence of mass murder in twentieth-century America. *Justice Quarterly*, 21(4), 729–761. doi: 10.1080/07418820400095971
- Fast J. (2008). *Ceremonial violence : a psychological explanation of school shootings*. Woodstock, NY: Overlook Press.
- Ferguson C. J., Coulson M., & Barnett J. (2011). Psychological Profiles of School Shooters: Positive Directions and One Big Wrong Turn. *Journal of Police Crisis Negotiations*, 11(2), 141–158. doi: 10.1080/15332586.2011.581523
- Fox J. A., & Burstein H. (2010). *Violence and security on campus: From preschool through college*. Santa Barbara, CA.: Praeger.
- Fox J. A., & Levin J. (2003). Mass murder: An analysis of extreme violence. *Journal of Applied Psychoanalytic Studies*, 5(1), 47–64. doi: 10.1023/A:1021051002020
- Giles D. (2003). *Media Psychology*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- Harper K., Ryberg R., & Temkin D. (2018). Data sources make it difficult to know how many school shootings happen each year. Retrieved from: <https://www.childtrends.org/data-sources-make-it-difficult-to-know-whether-school-shootings-are-happening-more-often>. (accessed: 25.11.2018).
- Kaiser D. A. (2006). School Shootings, High School Size, and Neurobiological Considerations. *Journal of Neurotherapy*, 9(3), 101–115. doi: 10.1300/J184v09n03_07

- Katsiyannis A., Whitford D. K., & Ennis R. P. (2018). Historical Examination of United States Intentional Mass School Shootings in the 20th and 21st Centuries: Implications for Students, Schools, and Society. *Journal of Child and Family Studies*. doi: 10.1007/s10826-018-1096-2
- Kimmel M. S., & Mahler M. (2003). Adolescent masculinity, homophobia, and violence: Random school shootings, 1982-2001. *In American Behavioral Scientist*, 46(10), 1439–1458. doi: 10.1177/0002764203046010010
- Klein J. (2012). *The bully society : school shootings and the crisis of bullying in America's schools*. New York: New York University Press.
- Langman P. (2009). Rampage school shooters: A typology. *Aggression and Violent Behavior*, 14(1), 79–86. doi: 10.1016/j.avb.2008.10.003
- Lankford A. (2015). Mass Shooters in the USA, 1966-2010: Differences Between Attackers Who Live and Die. *Justice Quarterly*, 32(2), 360–379. doi: 10.1080/07418825.2013.806675
- Leary M.R., Kowalski R.M., Smith L., & Phillips S. (2003). Teasing, rejection and violence: Case studies of the school shootings. *Aggressive Behavior*, 29, 202–214. doi: 10.1002/ab.10061
- Lemieux, F. (2014). Effect of Gun Culture and Firearm Laws on Gun Violence and Mass Shootings in the United States: A Multi-Level Quantitative Analysis. *Criminal Justice Sciences (IJCS)*, Vol. 9. Retrieved from: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-104publ208/pdf/PLAW-104publ208.pdf>. (accessed: 25.11.2018).
- Levin J., & Madfis E. (2009). Mass Murder at School and Cumulative Strain A Sequential Model. *American Behavioral Scientist*, 52(9), 1227–1245. doi: 10.1177/0002764209332543
- Littleton H., Axsom D., & Grills-Tauchel A. E. (2011). Longitudinal evaluation of the relationship between maladaptive trauma coping and distress: examination following the mass shooting at Virginia Tech. *Anxiety Stress and Coping*, 24 (3), 273–290. doi: 10.1080/10615806.2010.500722
- Malkki L. (2014). Political Elements in Post-Columbine School Shootings in Europe and North America. *Terrorism and Political Violence*, 26(1), 185–210. doi: 10.1080/09546553.2014.849933
- McCauley C., & Moskaleiko S. (2014). Toward a Profile of Lone Wolf Terrorists: What Moves an Individual From Radical Opinion to Radical Action. *Terrorism and Political Violence*, 26(1), 69–85. doi: 10.1080/09546553.2014.849916
- Meindl J.N., & Ivy J.W. (2017). Mass shootings: The role of the media in promoting generalized imitation. *American Journal of Public Health*. 107, e1–e3. doi: 10.2105/AJPH.2016.303611
- Meloy J. R., Hempel A.G., Mohandie K., Shiva A. A., & Gray B.T. (2001). Offender and offense characteristics of a nonrandom sample of adolescent mass murderers. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 40(6), 719–728. doi: 10.1097/00004583-200106000-00018
- Newman K., & Fox C. (2009). Repeat Tragedy Rampage Shootings in American High School and College Settings, 2002-2008. *American Behavioral Scientist*, 52(9), 1286–1308. doi: 10.1177/0002764209332546.
- Newman K.S., Fox C., Roth W., Mehta J., & Harding D. (2004). *Rampage : the social roots of school shootings*. New York, N.Y.: Basic Books.
- Prior Knowledge of Potential School-Based Violence: Information students learn may prevent a targeted attack. (2008). Washington: United States Secret Service and United States Department of Education. Retrieved from: http://www.secretservice.gov/ntac/bystander_study.pdf. (accessed: 25.11.2018).
- Robertz F.J. (2007). Deadly Dreams: What Motivates School Shootings? *Scientific American*, 18(4), 52–59. doi: 10.1038/scientificamericanmind0807-52
- Rocque, M. (2012). Exploring school rampage shootings: Research, theory, and policy. *The Social Science Journal*, 49(3), 304–313. doi: 10.1016/j.soscij.2011.11.001
- Seguin M., Chawky N., Lesage A., Boyer R., Guay S. S., Bleau P., & Roy D. (2013). Evaluation of the Dawson College Shooting Psychological Intervention: Moving Toward a Multimodal Extensive Plan. *Psychological Trauma-Theory Research Practice and Policy*, 5(3), 268–276. doi: 10.1037/a0027745
- Sethi D., Hughes K., Bellis M., Mitis F., & Racioppi F. (2010). European report on preventing violence and knife crime among young people. WHO, Vol. 17. Copenhagen, Denmark: World Health Organization. Retrieved from: <http://www.euro.who.int/pubrequest>. (accessed: 25.11.2018).
- Sommer F., Fiedler N., Leuschner V., & Scheithauer H. (2016). Strukturen zur Identifikation, Bewertung und Intervention krisenhafter Entwicklungen im Kindes- und Jugendalter. *Zeitschrift Für Kinder- Und Jugendpsychiatrie Und Psychotherapie*, 44(3), 198–207. doi: 10.1024/1422-4917/a000422
- Sorensen E. (2013). Violent computer games in the German press. *New Media & Society*, 15(6), 963–981. doi: 10.1177/1461444812460976
- Spaaij R.R. (2010). The Enigma of Lone Wolf Terrorism: An Assessment. *Studies in Conflict & Terrorism*, 33(9), 854–870. doi: 10.1080/1057610x.2010.501426
- Towers S., Gomez-Lievano A., Khan M., Mubayi A., & Castillo-Chavez C. (2015). Contagion in Mass Killings and School Shootings. *PLoS One*, 10(7), e0117259. doi: 10.1371/journal.pone.0117259
- Trump K.S. (2000). *Classroom killers? Hallway hostages? : how schools can prevent and manage school crises*. Thousand Oaks, Calif.: Corwin Press ; London : Sage.
- Twemlow S.W., Fonagy P., Sacco F.C., Otoole M.E., & Vernberg E. (2002). Premeditated mass shootings in schools: threat assessment. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 41(4), 475–477. doi: 10.1097/00004583-200204000-00021
- Twemlow S.W., Fonagy P., Sacco F.C., & Vernberg E. (2008). Assessing adolescents who threaten homicide in schools. *Clinical Social Work Journal*. doi: 10.1007/s10615-007-0101-9
- Van Brunt B. (2012). *Ending Campus Violence: New Approaches to Prevention*. New York, NY: Taylor & Francis Group. doi 10.4324/9780203149560
- Vicary A.M., & Fraley R.C. (2010). Student Reactions to the Shootings at Virginia Tech and Northern Illinois University: Does Sharing Grief and Support Over the Internet Affect Recovery? *Personality and Social Psychology Bulletin*, 36(11), 1555–1563. doi: 10.1177/0146167210384880
- Vossekuil B., Fein R. A., Reddy M., Borum R., & Modzeleski W. (2002). The final report and findings of the Safe School Initiative: Implications for the prevention of school attacks in the United States. Washington, D.C.: U.S. Department of Education, Office of Elementary and Secondary Education, Safe and Drug-Free Schools Program and U.S. Secret Service, National Threat Assessment Center. Retrieved from: http://www.secretservice.gov/ntac/ssi_final_report.pdf. (accessed: 25.11.2018).
- Weatherby G.A., Strachila S., & McMahon B. (2010). School Shootings: The Deadly Result of Teasing and Ostracism? *Journal of Criminology and Criminal Research & Education*, 2(1), 1–15. Retrieved from: <http://www.scientificjournals.org/Journals2010/articles/1483.pdf>. (accessed: 25.11.2018).

Wilkinson D.L., & Fagan J. (2001). What we know about Gun use among adolescents. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 4(2), 109–132. doi: 10.1023/A:1011329130712

References:

- Accidents. (2018). Retrieved from: <http://www.aif.ru/incidents> (accessed: 25.11.2018).
- Aitken L. Oosthuizen P. Emsley R. & Seedat S. (2008). Mass Murders: Implications for Mental Health Professionals. *The International Journal of Psychiatry in Medicine*, 38(3), 261–269. doi: 10.2190/PM.38.3.c.
- American Psychological Association. (2013). Gun violence: Prediction, prevention, and policy. Retrieved from: <http://www.apa.org/pubs/info/reports/gun-violence-prevention.aspx>
- Assaults in Russian schools. (2018). Retrieved from: <https://iz.ru/story/napadeniia-v-rossiiskikh-shkolakh> (accessed: 25. 11.2018).
- Baird A.A., Roellke E.V., & Zeifman D.M. (2017). Alone and adrift: The association between mass school shootings, school size, and student support. *Social Science Journal*, 54(3), 261–270. doi:10.1016/j.soscij.2017.01.009
- Borum R., Cornell D.G., Modzeleski W., & Jimerson S.R. (2010). What Can Be Done About School Shootings?: A Review of the Evidence. *Educational Researcher*, 39(1), 27–37. doi: 10.3102/0013189X09357620
- Bowers T.G., Holmes, E.S., & Rhom, A. (2010). The Nature of Mass Murder and Autogenic Massacre. *Journal of Police and Criminal Psychology*, 25(2), 59–66. doi: 10.1007/s11896-009-9059-6
- Cases of assaults in Russian schools in 2017–2018. Dossier. (2018). Retrieved from: <https://tass.ru/info/4885783> (accessed: 25. 11.2018).
- Dahmen N.S. (2018). Visually Reporting Mass Shootings: U.S. Newspaper Photographic Coverage of Three Mass School Shootings. *American Behavioral Scientist*, 62(2), 163–180. doi: 10.1177/0002764218756921
- Davydov D.G. (2015). The Causes of Youth Extremism and Ways to Prevent It in the Educational Environment. *Russian Education & Society*, 57(3), 146–162. doi 10.1080/10609393.2015.1018745
- Davydov, D.G. (2011). Military identity as a component of social consciousness. [*Sotsial'nye Nauki i Sovremennoe Obshchestvo*], 1, 65–76.
- Douglas, J. E., & Olshaker, M. (1997). *Journey into Darkness*. New York, N.Y.: Scribner.
- Duplechain R., & Morris R. (2014). SCHOOL VIOLENCE: REPORTED SCHOOL SHOOTINGS AND MAKING SCHOOLS SAFER. *Education*, 135(2), 145–150. Retrieved from: <http://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true&db=aph&AN=100464126=ru&site=ehost-live> (accessed: 25.11.2018).
- Duwe, G. (2004). The patterns and prevalence of mass murder in twentieth-century America. *Justice Quarterly*, 21(4), 729–761. doi: 10.1080/07418820400095971
- Erickson E. (1996). *Identity: youth and crisis*. M: Progress Publishing Group.
- Fast J. (2008). *Ceremonial violence : a psychological explanation of school shootings*. Woodstock, NY: Overlook Press.
- Ferguson C. J., Coulson M., & Barnett J. (2011). Psychological Profiles of School Shooters: Positive Directions and One Big Wrong Turn. *Journal of Police Crisis Negotiations*, 11(2), 141–158. doi: 10.1080/15332586.2011.581523
- Fox J. A., & Burstein H. (2010). *Violence and security on campus: From preschool through college*. Santa Barbara, CA.: Praeger.
- Fox J. A., & Levin J. (2003). Mass murder: An analysis of extreme violence. *Journal of Applied Psychoanalytic Studies*, 5(1), 47–64. doi: 10.1023/A:1021051002020
- Fox S., & Harding D.D. (2005). Shooting in schools as a kind of organizational deviant behavior. [*Sotsiologiya obrazovaniya*], 10, 42–44.
- Giles D. (2003). *Media Psychology*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- Glukharev, D.S. (2014). Prevention of terrorist acts on objects of the education system. *Innovative Development of Vocational Education*, 6(2), 10–13.
- Harper K., Ryberg R., & Temkin D. (2018). Data sources make it difficult to know how many school shootings happen each year. Retrieved from: <https://www.childtrends.org/data-sources-make-it-difficult-to-know-whether-school-shootings-are-happening-more-often>. (accessed: 25.11.2018).
- Kaiser D.A. (2006). School Shootings, High School Size, and Neurobiological Considerations. *Journal of Neurotherapy*, 9(3), 101–115. doi: 10.1300/J184v09n03_07
- Katsiyannis A., Whitford D.K., & Ennis R.P. (2018). Historical Examination of United States Intentional Mass School Shootings in the 20th and 21st Centuries: Implications for Students, Schools, and Society. *Journal of Child and Family Studies*. doi: 10.1007/s10826-018-1096-2
- Kimmel M.S., & Mahler M. (2003). Adolescent masculinity, homophobia, and violence: Random school shootings, 1982–2001. In *American Behavioral Scientist*, 46(10), 1439–1458. doi: 10.1177/0002764203046010010
- Klein J. (2012). *The bully society : school shootings and the crisis of bullying in America's schools*. New York: New York University Press.
- Langman P. (2009). Rampage school shooters: A typology. *Aggression and Violent Behavior*, 14(1), 79–86. doi: 10.1016/j.avb.2008.10.003
- Lankford A. (2015). Mass Shooters in the USA, 1966–2010: Differences Between Attackers Who Live and Die. *Justice Quarterly*, 32(2), 360–379. doi: 10.1080/07418825.2013.806675
- Leary M.R., Kowalski R.M., Smith L., & Phillips S. (2003). Teasing, rejection and violence: Case studies of the school shootings. *Aggressive Behavior*, 29, 202–214. doi 10.1002/ab.10061
- Lemieux, F. (2014). Effect of Gun Culture and Firearm Laws on Gun Violence and Mass Shootings in the United States: A Multi-Level Quantitative Analysis. *Criminal Justice Sciences (IJCJS)*, Vol. 9. Retrieved from: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-104publ208/pdf/PLAW-104publ208.pdf>. (accessed: 25.11.2018).
- Levin J., & Madfis E. (2009). Mass Murder at School and Cumulative Strain A Sequential Model. *American Behavioral Scientist*, 52(9), 1227–1245. doi: 10.1177/0002764209332543
- Littleton H., Axsom D., & Grills-Tauechel A. E. (2011). Longitudinal evaluation of the relationship between maladaptive trauma coping and distress:

- examination following the mass shooting at Virginia Tech. *Anxiety Stress and Coping*, 24 (3), 273–290. doi: 10.1080/10615806.2010.500722
- Malkki L. (2014). Political Elements in Post-Columbine School Shootings in Europe and North America. *Terrorism and Political Violence*, 26(1), 185–210. doi: 10.1080/09546553.2014.849933
- McCauley C., & Moskalkenko S. (2014). Toward a Profile of Lone Wolf Terrorists: What Moves an Individual From Radical Opinion to Radical Action. *Terrorism and Political Violence*, 26(1), 69–85. doi: 10.1080/09546553.2014.849916
- Meindl J.N., & Ivy J.W. (2017). Mass shootings: The role of the media in promoting generalized imitation. *American Journal of Public Health*. 107, e1–e3. doi: 10.2105/AJPH.2016.303611
- Meloy J.R., Hempel A.G., Mohandie K., Shiva A.A., & Gray B.T. (2001). Offender and offense characteristics of a nonrandom sample of adolescent mass murderers. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 40(6), 719–728. doi: 10.1097/00004583-200106000-00018
- Newman K., & Fox C. (2009). Repeat Tragedy Rampage Shootings in American High School and College Settings, 2002–2008. *American Behavioral Scientist*, 52(9), 1286–1308. doi: 10.1177/0002764209332546
- Newman K.S., Fox C., Roth W., Mehta J., & Harding D. (2004). *Rampage: the social roots of school shootings*. New York, N.Y.: Basic Books.
- Prior Knowledge of Potential School-Based Violence: Information students learn may prevent a targeted attack. (2008). Washington: United States Secret Service and United States Department of Education. Retrieved from: http://www.secretservice.gov/ntac/bystander_study.pdf. (accessed: 25.11.2018).
- Robertz F.J. (2007). Deadly Dreams: What Motivates School Shootings? *Scientific American*, 18(4), 52–59. doi: 10.1038/scientificamericanmind0807-52
- Rocque, M. (2012). Exploring school rampage shootings: Research, theory, and policy. *The Social Science Journal*, 49(3), 304–313. doi: 10.1016/j.soscij.2011.11.001
- Sequin M., Chawky N., Lesage A., Boyer R., Guay S. S., Bleau P., & Roy D. (2013). Evaluation of the Dawson College Shooting Psychological Intervention: Moving Toward a Multimodal Extensive Plan. *Psychological Trauma-Theory Research Practice and Policy*, 5(3), 268–276. doi: 10.1037/a0027745
- Sethi D., Hughes K., Bellis M., Mitis F., & Racioppi F. (2010). European report on preventing violence and knife crime among young people. WHO, Vol. 17. Copenhagen, Denmark: World Health Organization. Retrieved from: <http://www.euro.who.int/pubrequest>. (accessed: 25.11.2018).
- Shaigerova L.A., Shilko R.S., Zinchenko Yu.P., Dolgikh A.G., Vakhantseva O.V. (2018) Cultural determination of mental health and psychological well-being: methodological issues. *Moscow University Psychology Bulletin. Series 14. Psychology*, 2, 3–23
- Sommer F., Fiedler N., Leuschner V., & Scheithauer H. (2016). Strukturen zur Identifikation, Bewertung und Intervention krisenhafter Entwicklungen im Kindes- und Jugendalter. *Zeitschrift Für Kinder- Und Jugendpsychiatrie Und Psychotherapie*, 44(3), 198–207. doi: 10.1024/1422-4917/a000422
- Sorensen E. (2013). Violent computer games in the German press. *New Media & Society*, 15(6), 963–981. doi: 10.1177/1461444812460976
- Spaaij R. (2010). The Enigma of Lone Wolf Terrorism: An Assessment. *Studies in Conflict & Terrorism*, 33(9), 854–870. doi: 10.1080/1057610x.2010.501426
- Top 8 student attacks on schools in Russia. (2018). Retrieved from: <https://newsnn.ru/cards/19-01-2018/top-8-napadeniy-uchenikov-na-shkoly-v-rossii-365dbc3f-2780-4ac0-8964-20058647236e>. (accessed: 25.11.2018).
- Towers S., Gomez-Lievano A., Khan M., Mubayi A., & Castillo-Chavez C. (2015). Contagion in Mass Killings and School Shootings. *PLoS One*, 10(7), e0117259. doi: 10.1371/journal.pone.0117259
- Trump K.S. (2000). *Classroom killers? Hallway hostages? : how schools can prevent and manage school crises*. Thousand Oaks, Calif.: Corwin Press ; London : Sage.
- Twemlow S.W., Fonagy P., Sacco F.C., Otoole M.E., & Vernberg E. (2002). Premeditated mass shootings in schools: threat assessment. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 41(4), 475–477. doi: 10.1097/00004583-200204000-00021
- Twemlow S.W., Fonagy P., Sacco F.C., & Vernberg E. (2008). Assessing adolescents who threaten homicide in schools. *Clinical Social Work Journal*. doi: 10.1007/s10615-007-0101-9
- Van Brunt B. (2012). *Ending Campus Violence: New Approaches to Prevention*. New York, NY: Taylor & Francis Group. doi 10.4324/9780203149560
- Vicary A.M., & Fraley R.C. (2010). Student Reactions to the Shootings at Virginia Tech and Northern Illinois University: Does Sharing Grief and Support Over the Internet Affect Recovery? *Personality and Social Psychology Bulletin*, 36(11), 1555–1563. doi: 10.1177/0146167210384880
- Vossekuil B., Fein R.A., Reddy M., Borum R., & Modzeleski W. (2002). The final report and findings of the Safe School Initiative: Implications for the prevention of school attacks in the United States. Washington, D.C.: U.S. Department of Education, Office of Elementary and Secondary Education, Safe and Drug-Free Schools Program and U.S. Secret Service, National Threat Assessment Center. Retrieved from: http://www.secretservice.gov/ntac/ssi_final_report.pdf. (accessed: 25.11.2018).
- Weatherby G.A., Strachila S., & McMahon B. (2010). School Shootings: The Deadly Result of Teasing and Ostracism? *Journal of Criminology and Criminal Research & Education*, 2(1), 1–15. Retrieved from: <http://www.scientificjournals.org/Journals2010/articles/1483.pdf>. (accessed: 25.11.2018).
- Wilkinson D.L., & Fagan J. (2001). What we know about Gun use among adolescents. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 4(2), 109–132. doi: 10.1023/A:1011329130712